Горинов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук,
зам. директора Центра научного использования и публикации
архивного фонда объединения «Мосгорархив».

27 января 1942 г. в газете «Правда» был опубликован очерк Петра Лидова «Таня». Вечером его передали по Всесоюзному радио. Диктор Ольга Высоцкая, с трудом сдерживая слезы, рассказала потрясенной стране о юной девушке-партизанке, во время выполнения боевого задания попавшей в руки немцев, вынесшей нечеловеческие пытки, но не предавшей своих товарищей. Казненной, но несломленной. Специально созданная комиссия установила подлинное имя героини. Ею оказалась 18-летняя московская школьница Зоя Космодемьянская. 16 февраля 1942 г. Зое Анатольевне Космодемьянской посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С тех пор имя Зои Космодемьянской на десятилетия стало символом героизма, мужества, патриотизма советской молодежи. Однако в начале 1990-х гг. в печати появились материалы, ставившие под сомнение подвиг юной героини и бросавшие тень на ее личность. В них утверждалось: Зоя Космодемьянская, подозреваемая в заболевании шизофренией [1], пошла в деревню Петрищево, где не было немцев [2], самовольно, без приказа командира отряда; диверсантка пыталась сжечь дома местных жителей, но те ее схватили и выдали немцам [3]. Еще один вариант — Зою выдал фашистам ее товарищ по оружию Василий Клубков [4]. Есть версия, что под псевдонимом «Таня» на самом деле скрывалась не Зоя Космодемьянская, а другая девушка — Лиля Азолина [5]. В этих публикациях отразились некоторые факты биографии Зои Космодемьянской, замалчивавшиеся в советское время, но отразились, как в кривом зеркале, — в чудовищно искаженном виде.

Что же на самом деле произошло в подмосковной деревне Петрищево? Кто была героиня тех событий? Что она представляла собой как личность? В архивах сохранились материалы, позволяющие ответить на эти вопросы: документы комиссии, устанавливавшей обстоятельства подвига «Тани» и ее подлинное имя; воспоминания родных, близких, боевых друзей Зои Космодемьянской; материалы ее семейного архива и архива корреспондента Петра Лидова, собиравшего материалы для своей книги о Зое, но погибшего незадолго до окончания войны; результаты судебно-портретной экспертизы, проведенной в декабре 1991 г, и др. [6].

Но начать хотелось бы с обстановки, в которой Зоя Космодемьянская сделала свой первый шаг в бессмертие.

30 сентября 1941 г. немцы ринулись в наступление на Москву. Оборона советских войск была прорвана. 7 октября противнику удалось в районе Вязьмы окружить пять наших армий Западного и Резервного фронтов. Казалось, ворота на Москву открыты. 8 октября Сталин принял решение о минировании важнейших объектов Москвы — промышленных предприятий, мостов и др, которые предстояло взорвать, если немцы войдут в город. Десятки тысяч человек, в основном женщин, бросили на рытье противотанковых рвов, эскарпов, окопов. С других фронтов, из Сибири, с Дальнего Востока под Москву спешно перебрасывали воинские части. 15 октября Государственный комитет обороны принял решение о срочной эвакуации из Москвы иностранных миссий, Наркомата обороны и Наркомата военно-морских сил. Генерального штаба, правительства во главе с заместителем председателя СНК В.М. Молотовым. В постановлении говорилось, что «товарищ Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». В случае появления противника у ворот Москвы приказывалось взорвать заминированные объекты [7]. Видя уезжающее начальство, москвичи решили, что город сдают врагу. В столице началась паника: грабили магазины, избивали эвакуирующихся руководителей, десятки тысяч жителей с домашним скарбом по шоссе Энтузиастов устремились на восток [8].

Но в те же смутные октябрьские дни другие москвичи готовились к уличным боям. Мысль о том, что в Москву — их Москву, где они росли, учились, любили, — войдет враг, казалась им невыносимой. Они записывались в коммунистические, рабочие батальоны, боевые дружины, занимавшие оборону непосредственно в городе. В каждом из 25 столичных районов создавались отряды истребителей танков, парашютистов-десантников, подрывников, снайперов [9].

Остался в городе и Сталин. Верховный главнокомандующий принял решение — не сдавать столицу и драться за город до последнего. 19 октября он продиктовал текст постановления ГКО о введении в Москве осадного положения. «Нарушителей порядка, — говорилось в постановлении, — немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте. Государственный комитет обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие» [10].

Зоя Космодемьянская была среди тех, кто остался тогда в Москве. Во второй половине октября в Москве отбирали лучших комсомольцев для работы в тылу врага. Их вызывали в райкомы, где им вручали путевки. Затем в здании ЦК ВЛКСМ с каждым беседовали секретарь МГК комсомола А.Н. Шелепин и руководители разведывательно-

диверсионной войсковой части № 9903. Как вспоминал Д.М. Дмитриев, 26 октября около 30 юношей и девушек вызвали в горком. Разговор в кабинете Шелепина был кратким и жестким. «Родине нужны бесстрашные патриоты, способные перенести самые тяжелые испытания, готовые на самопожертвование, — говорил Шелепин. — Хорошо, что все вы согласились пойти в немецкий тыл сражаться с врагом. Но может случиться, что 95% из вас погибнут. От фашистов не будет никакой пощады: они зверски расправляются с партизанами. Если кто-то из вас не готов к таким испытаниям, скажите прямо. Никто вас не осудит. Свое желание биться с врагом реализуете на фронте». Однако «отказников» не оказалось [11]. Но брали не всех. У кого-то были нелады со здоровьем (требовалось предъявить медицинскую справку), кто-то слишком нервничал при разговоре, и возникали сомнения, как он поведет себя, если попадет в плен. Поначалу отказали и Зое, выглядевшей слишком юной и хрупкой. Но она оказалась настойчивой, и ее зачислили в отряд [12].

Отобрали приблизительно 2 тыс. человек. Их партиями собирали в кинотеатре «Колизей» (ныне театр «Современник»), а затем в крытых грузовиках отвозили в войсковую часть № 9903, располагавшуюся в Кунцеве [13]. Времени зря не теряли. Уже через час после приезда, как вспоминала Зоина однополчанка К.А. Милорадова, «начались занятия. В комнату принесли гранаты, пистолеты… Три дня ходили в лес, ставили мины, взрывали деревья, учились снимать часовых, пользоваться картой». В начале ноября Зоя и ее товарищи получили первое задание — заминировать дороги в тылу противника. Группа выполнила его успешно и без потерь вернулась в часть [14].

В Великой Отечественной войне советское руководство применило так называемую скифскую тактику — при отступлении ничего не оставлять врагу, создавать на оккупированных территориях невыносимые условия для противника (именно так действовали древние скифы против вторгшихся на их земли войск персидского царя Дария). В директиве № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требовали:

«При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество., которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться… В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать

невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [15].

17 ноября появился суровый приказ Ставки Верховного главного командования № 0428, конкретизировавший «скифскую» тактику применительно к ситуации осени 1941 г. [16]. В нем ставилась задача лишить
«германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом».

С этой целью приказывалось
«разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами… При вынужденном отходе наших частей… уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать» [17].

В начале 1990-х гг. много писалось о неоправданной жестокости, бесчеловечности данного приказа [18]. Конечно, местных жителей, которые после поджога их домов среди зимы оставались без крова, можно только пожалеть. Но не нужно забывать, что гитлеровцы ставили задачу уничтожить русскую государственность и превратить всех оставшихся в живых русских в бесправных рабов арийской расы.

«Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал 27 апреля 1942 г. крупный нацистский чиновник Э. Ветцель. — …Дело заключается… в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их… Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа».

Предполагалось также довести рождаемость русских до более низкого уровня, чем у немцем.
«Мы должны, — конкретизировал последний пункт Ветцель, — сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей… Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за

снижение смертности младенцев… Следует сократить до минимума подготовку русских [детских] врачей… не оказывать никакой поддержки детским садам… Не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи…» [19].

Враг, как видим, диктовал предельно жесткие правила игры. Русские должны были или победить — любой, самой страшной ценой, — или через какое-то время перестать существовать на этой земле как народ. Третьего было не дано.
18 (по другим сведения — 20) ноября командиры диверсионных групп части № 9903 П.С. Проворов и Б.С. Крайнов получили задание «сжечь 10 населенных пунктов (приказ т. Сталина от 17 ноября 1941 г.): Анашкино, Грибцово, Петрищево, Усадково, Ильятино, Грачеве, Пушкино, Михайловское, Бугайлово, Коровине. Срок выполнения — 5-7 дней». На задание группы уходили вместе. Среди бойцов группы Проворова — Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Клава Милорадова и др. [20].

В районе деревни Головково партизаны наткнулись на немецкую засаду. Завязалась перестрелка. Группы оказались рассеянными. Часть бойцов погибла. Вера Волошина, как узнали много позже, попала в плен [21]. О ее подвиге рассказали местные жители. Тяжело раненную партизанку немцы привезли в деревню Головково. Начался допрос: где партизаны, сколько их, каковы их планы? Вера молчала. Ее зверски пытали, истязали, но так ничего и не добились.

Истерзанную девушку снова бросили в машину и повезли на казнь. Когда солдаты опустили борта машины, жители увидели лежавшую в кузове в одном белье Веру. Палачи хотели поднять ее, чтобы набросить на шею петлю, но она оттолкнула их и, цепляясь рукой за кабину грузовика, медленно встала. В наступившей тишине раздался звонкий голос: «Вы пришли в нашу страну и найдете здесь свою смерть! Москву вам не взять…» Когда машина медленно тронулась с места, Вера последний раз громко крикнула: «Прощай, Родина! Смерть фашизму!» [22].

После стычки у деревни Головково остатки диверсионных групп объединились в небольшой отряд под командованием Крайнева. В Петрищево, находившееся в 10 км от совхоза «Головково», они пошли втроем: Крайнев, Зоя Космодемьянская и Василий Клубков. Как вспоминала Клавдия Милорадова, «они вышли из леса. Василий пошел перелеском к школе, Зоя поползла к конюшням, Борис к штабу. Крайнев видел вспыхнувшее пламя, слышал стрельбу и крики в деревне… Он ожидал их в условленном месте… Ни Зоя, ни Василий так и не вернулись» [23].

Как выяснилось впоследствии, Зое удалось поджечь три дома. Однако после этого она

не вернулась на условленное место, а, пересидев день в лесу, на следующую ночь (или, по показаниям одного из очевидцев, через ночь) вновь пошла в село. Именно этот поступок отважной партизанки лежит в основе позднейшей версии о том, будто бы «она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево». «Без разрешения» она пошла туда только во второй раз. И пошла не «самовольно», а для того, чтобы до конца выполнить данный диверсионной группе приказ — «сжечь населенный пункт Петрищево».

Выждав, когда стемнеет, Зоя вновь пошла в деревню. Немцы были настороже. После событий предыдущей ночи староста, два немецких офицера и переводчик собрали сход местных жителей, на котором велели им охранять дома. Некоторым выдали белые повязки стражников, в том числе С.А. Свиридову. У того на квартире стояли 4 офицера и переводчик. Возможно, именно поэтому Зоя направилась к его усадьбе. Когда партизанка стала поджигать сарай с сеном, Свиридов ее заметил и побежал за немцами. Подразделение солдат окружило сарай. Зоя была схвачена. Свиридову благодарные оккупанты подарили бутылку водки [24]. На основании этих обстоятельств пленения Зои Космодемьянской в начале 1990-х гг. была сконструирована сенсационная версия о том, что в Петрищеве-де не было немцев, а партизанку схватили сами местные жители, дома которых она собиралась поджечь.

Между тем в Петрищеве и сейчас живут очевидцы тех драматических событий. Их возмущает ложь об отсутствии в селе фашистов. «Теперь пишут, — говорила в 1991 г. в беседе с корреспонденткой «Комсомольской правды» Л. Овчинниковой Н.Н. Седова (в 1941 г. ей было 9 лет), — что и немцев-то в Петрищеве не было. Но ведь можно людей спросить. Немцы нас из домов прикладами выгоняли. В каждой избе было их набито. Мама и четверо детей — мы ютились в кухне на соломе» [25].

Таким образом, 28 ноября 1941 г. Зоя оказалась в руках врагов. О дальнейшем рассказывают жители деревни Петрищево. Приводим самые первые, не подправленные цензурой записи их показаний, сделанные комиссией московского комсомола 3 февраля 1942 г, вскоре после того как Петрищево освободили от немцев [26]. Процитируем их, сохраняя все особенности крестьянской речи и убрав лишь мелкие подробности и повторы.

Сначала партизанку привели в дом Седовых. И вот что рассказала 11-летняя девочка Валя Седова:

«Ее привели к нам три патруля, вели ее рядовые. Откуда ее привели, я не знаю. Одета она была в меховом пиджаке коричневого цвета, сапоги у нее были холодные,

подшлемник серый. На плечах у нее была сумка, на руках — овчинные варежки зеленого цвета, обшитые брезентом. Я сидела на печке, мама — в кухне. Они открыли дверь и ввели ее. Один держал ее руки сзади… Все трое немцы. По-русски говорить не умеют. Они ее прижали к печке (один из них взял за грудную клетку и прижал), а двое стали обыскивать. Во время обыска были и другие солдаты, которые жили в хате (15-20 человек). Они были в другой комнате и смеялись… Сняли сумку зеленого цвета (рюкзак) и поставили возле печки. Потом сняли сумку с отделениями для бутылок, которая висела через плечо. В этой сумке нашли 3 бутылки, которые открыли, нюхали, затем положили обратно в чехол. Затем нашли у нее под пиджаком на ремне наган, который рассматривали.
Я слезла с печки и ничего больше не видела. Как говорит моя сестра Нина (8 лет), которая осталась сидеть на печке, ее раздели, раздевали ее трое… Осталась она в защитных теплых брюках, в носках и белого цвета кофточке с воротничком. Обыскивали и раздевали, ей вопросов не задавали, а переговаривались между собой и ржали. Потом старший из них (погоны и 2 кубика) скомандовал: «Русь, марш», и она повернулась и пошла со связанными руками… Больше я ничего не знаю, куда их повели. При допросе переводчика не было. С ней не разговаривали, вопросов ей не задавали. При обыске она стояла с опущенной головой, не улыбалась, не плакала, ничего не говорила».

Мать девочки, М.И. Седова добавила к рассказу дочери:
«Привели ее вечером, часов в 7 или 7.30 минут. Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан»… Держали ее у нас минут 20. Слышно было, как ее били по щекам — раз пять. Она при этом молчала. Куда увели ее, не знаю. Волосы у нее короткие, черные, завитые, красивые, чернобровая, лицо продолговатое, красивая девушка, губы толстенькие, маленькие».

Из дома Седовых пленную партизанку перевели в избу Ворониных, где размещался немецкий штаб. Рассказывает А.П. Воронина (67 лет):
«…Привели ее после Седовых. Я топила печь. Смотрю — ведут. Они мне кричат: «Матка, это русь, это она фу — сожгла дома». Она при этом молчала. Ее посадили возле печки. Привели ее 5 человек, и еще у меня были немцы — 5 человек. Когда ее обыскивали, то меня позвали и сказали: «Вот, мать, чем дома подожжены». Показали ее бутылки, и опять повесили ей на плечи… Мне они приказали лезть на печку, а дочь посадили на кровать.
Начальник стал спрашивать по-русски: «Ты откуда?» Она ответила: «Я из Саратова».
— «Куда ты шла?» -«На Калугу».
— «Где ты фронт перешла?» — Весь ответ я не расслышала. «Прошла я фронт за 3

дня».
— «С кем ты была?» — «Нас двое было. Вторая попалась в Кубинке».
-«Сколько ты домов сожгла?»
— «Три». — «Где ты что еще делала?»
— Она сказала, что больше ничего не делала. Ее стали после этого пороть. Пороли ее 4 немца, 4 раза пороли ремнями… Ее спрашивали и пороли, она молчит, ее опять пороли. [В] последнюю порку она вздохнула: «Ох, бросьте пороть, я больше ничего не знаю и больше ничего вам говорить не буду»» Когда пороли, то начальник несколько раз выходил из комнаты и брался за голову (переживал). А те, кто порол, ржали во время порки. Всего ей дали больше 200 ремней. Пороли ее голой, а вывели в нижней рубашке. Крови не было…

Держала она себя мужественно, отвечала резко. Привели ее к нам часов в 7 вечера. Была она у нас часа три… При допросе переводчик не присутствовал. Он появился тогда, когда ее вывели. Был он минут 10 и ушел. Когда я у него спросила, что с ней будет, он ответил, что завтра часов в 10 будет виселица. Немцы прибегали (человек 150)., смотрели и смеялись. Куда ее увели, я не знаю. Увели ее от нас часов в 10 вечера…»

Избитую девушку перевели в избу Куликов. Рассказывает П.Я. Кулик (девичья фамилия Петрушина, 33 года):
«Откуда ее вели, я не знаю. В эту ночь у меня на квартире было 20-25 немцев, часов в 10 я вышла на улицу. Ее вели патрули — со связанными руками, в нижней рубашке, босиком и сверху нижней рубашки мужская нижняя рубашка. Мне они сказали: «Матка, поймали партизана».
Ее привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у нее были черные-черные, испекшиеся и вздутое лицо на лбу. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: «Можно?» Они сказали: «Нет», и один из них вместо воды поднял к подбородку горящую керосиновую лампу без стекла. Но затем разрешили ее попоить, и она выпила 4 стакана. Посидев полчаса, они ее потащили на улицу. Минут 20 таскали по улице босиком, потом опять привели. Так, босиком ее выводили с 10 часов ночи до 2 часов ночи — по улице, по снегу босиком. Все это делал один немец, ему 19 лет. Потом этот 19-летний улегся спать, и к ней приставили другого. Он был более сознательным, взял у меня подушку и одеяло и уложил ее спать. Немного полежав, она попросила у него по-немецки развязать руки, и он ей руки развязал. Больше ей руки не связывали. Так она уснула. Спала она с 3 часов до 7 часов утра.

Утром я подошла к ней и стала с ней разговаривать.
Я спросила: «Откуда ты?» Ответ — московская.

— «Как тебя зовут?» — промолчала.
— «Где родители?» — промолчала.
— «Для чего тебя прислали?» — «Мне было задание сжечь деревню».
— «А кто был с тобой?» — «Со мной никого не было, я одна».
— «Кто сжег эти дома в эту ночь (а в эту ночь она сожгла три жилых дома, где жили немцы, но они выбежали)?» Она ответила: «Сожгла я».
Она спросила: «А сколько я сожгла?» Я ответила: «Три дома, и в этих дворах сожгла 20 лошадей».
Она спросила, были ли жертвы? Я ответила, что нет. Она сказала, что вам нужно [было] давно уехать из деревни от немцев. При беседе были немцы, но они не знают русский язык.

Утром она у меня просила дать во что-нибудь обуться. Немец спросил у нее: «Где Сталин?» Она ответила: «Сталин на посту». И после этого отвернулась и сказала: «Я больше с вам разговаривать не буду». Переводчика еще [не] было. Жгла она дома. Дома сожгла граждан: Кареловой, через три дома — Солнцева и через два дома — Смирнова. Я с ней говорила минут 15-20. Затем мне сказали: «Уходи». Я пошла топить печку. Ее перевели на нары. Она легла, и опять приходили сотни немцев (это было утром, в 8 часов). Они смеялись. Она молчала, смотрела на них.

Часов в 9 утра пришли 3 офицера, переводчик и стали ее допрашивать, а меня, мужа выгнали на улицу. В доме, кроме немцев, никого не было. Я вышла в соседнюю избу. О допросе ничего не знаю. Допрашивали ее часа полтора.

Когда пришли офицеры, то она сказала: «Вот ваши немцы оставили меня раздетой, оставили меня в рубашке и трусах». Ноги и таз у нее были избитыми, синими-синими.

Когда я с ней говорила, она мне сказала: «Победа все равно за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют. Нас еще 170 миллионов, русский народ всегда побеждал, и сейчас победа будет за нами».

В 10 часов 30 минут ее вывели из дома на улицу. Вышла вместе с офицерами, ее держали 2 немца под руки, так как она шаталась. Одета она была в ватные темно-синие брюки, в темной рубашке, носках серых, на голове ничего, и повели к виселице. Расстояние от нашего дома до виселицы — 4 дома. Вели до виселицы под руки. Я ушла, не дождалась даже, пока доведут ее до виселицы, так как не могла смотреть на эту картину».

3 февраля 1942 г. Прасковья Яковлевна Кулик не все рассказала комиссии. Утаила страшную подробность: схваченную партизанку истязали не только немцы, но и русские — жительницы деревни Петрищево, у одной из которых та накануне сожгла дом. П.Я. Кулик, видимо, пожалела односельчанок. Однако позже случившееся все равно стало известно представителям Советской власти. Военным трибуналом войск НКВД Московского округа было заведено уголовное дело. Расследование длилось несколько месяцев.

12 мая 1942 г. обвиняемая Смирнова А.В. на суде показала:

«На другой день после пожара я находилась у своего сожженного дома, ко мне подошла гражданка Солина и сказала: «Пойдем, я тебе покажу, кто тебя сжег». После этих сказанных ею слов мы вместе направились в дом Петрушиной. Войдя в дом, увидели находящуюся под охраной немецких солдат партизанку Зою Космодемьянскую. Я и Солина стали ее ругать, кроме ругани я на Космодемьянскую два раза замахнулась варежкой, а Солина ударила ее рукой. Дальше нам над партизанкой не дала издеваться Петрушина, которая нас выгнала из своего дома.
На второй день после поджога партизанкой домов, в том числе и моего, в котором располагались немецкие офицеры и солдаты, во дворах стояли их лошади, которые при пожаре сгорели, немцы установили на улице виселицу, согнали все население к виселице деревни Петрищево, куда пришла и я. Не ограничившись теми издевательствами, которые я производила в доме Петрушиной, когда немцы привели партизанку к виселице, я взяла деревянную палку, подошла к партизанке и на глазах всех находившихся лиц ударила по ногам партизанки. Это было в тот момент, когда партизанка стояла под виселицей, что я при этом говорила, не помню» [27].

24 мая 1942 г, после того как Смирнова сама призналась в содеянном, П.Я. Кулик решилась, наконец, раскрыть следствию подробности того страшного утра: «Примерно в конце ноября или начале декабря 1941 г, часов в 10 вечера, ко мне в дом немецкие солдаты привели избитую русскую молодую девушку. Как впоследствии выяснилось, это была Зоя Космодемьянская. Она в моем доме, под охраной немецких солдат, переночевала. На другой день утром ко мне в дом пришли Смирнова Аграфена и Солина Федосья, и как только вошли, стали всячески ругать и оскорблять измученную, лежащую около печки Зою Космодемьянскую, подступая к ней, чтобы ударить. Я их к Зое не подпустила и стала выгонять из дома. Смирнова А. перед выходом из дома взяла стоящий на полу чугун с помоями и бросила его в Зою Космодемьянскую. Через некоторое время ко мне в дом пришло еще больше народу, с которыми вторично пришли Солина и Смирнова. Через толпу людей Солина Ф.В. и Смирнова А. продрались к Зое Ко-смодемьянской, и тут Смирнова А. стала ее избивать,

оскорбляя всякими нехорошими словами. Солина Ф.В, находясь вместе со Смирновой, взмахивала руками и со злобой кричала: «Бей! Бей ее!», оскорбляя при этом всякими нехорошими словами лежащую около печки партизанку Зою Космодемьянскую» [28]. 17 июня 1942 г. А.В. Смирнова, а 4 сентября 1942 г. Ф.В. Солина были приговорены к высшей мере наказания. Сведения же об избиении ими Зои Космодемьянской были надолго засекречены.

Но вернемся к материалам комиссии, собранным 3 февраля 1942 г. Вот что сообщил В.А. Кулик (1903 г.р.):

«…Вывели ее из дому, при этом было человек 100 немцев только при нашем доме, а всего их было очень много: и пешие, и конные. Между виселицей и домом, в этом расстоянии, ей повесили табличку (на которой было написано по-русски и по-немецки «Поджигатель». — М.Г.). До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Довели до виселицы. Вокруг виселицы было много немцев и гражданских. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать… При ней была сумка с бутылками. Она крикнула: «Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Эта моя смерть — это мое достижение». После этого один офицер замахнулся, а другие закричали на нее. Затем она сказала: «Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен». Офицер злобно заорал: «Русь!» «Советский Союз непобедим и не будет побежден», — все это она говорила в момент, когда ее фотографировали…
Потом подставили ящик. Она без всякой команды стала сама на ящик. Подошел немец и стал надевать петлю. Она в это время крикнула: «Сколько нас не вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Это она сказала уже с петлей на шее. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла. Она взялась за веревку рукой, но немец ударил ее по рукам. После этого все разошлись. Возле виселицы в течение 3 дней стояли часовые — 2 человека… Повесили ее в центре села, на перекрестке дорог, на виселице, которая была в 50 м от домов, посреди слободы» [29].

Позже в печати появились и другие слова, сказанные Зоей Космодемьянской перед казнью: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ!», «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!» [30]. На самом ли деле говорила их бесстрашная партизанка, или ее слова были дополнены фразами в духе пропагандистских канонов того времени, — теперь на этот вопрос, наверное, уже не ответит никто. Известно одно, в первых показаниях очевидцев гибели девушки этих слов нет.

«Целый месяц, — писал в 1942 г. Петр Лидов, — провисело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали эшафот и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, через несколько километров их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков. Так шли они по земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.
В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Зои (кололи ножами, отрезали грудь. — М.Г.). Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни. Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, партами топили печи, содрали полы и из половиц строили в избах нары. Между этим печальным, растерзанным домом и опушкой леса, средь редких кустов была приготовлена могила… Юное тело зарыли… под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик» [31].

А что же произошло с Василием Клубковым, товарищем Зои, вместе с нею и Борисом Крайневым ушедшим в Петрищеве? В феврале 2000 г. в газете «Известия» была напечатана нашумевшая статья «Клубков, который назвал «Таню» Зоей». В публикации со ссылками на хранящееся в архиве спецслужб уголовное дело В.А. Клубкова утверждалось, что именно он и выдал ее немцам [32]. Но так ли это?

Во всех показаниях Клубкова следствию (кроме первой объяснительной записки от 21 февраля 1942 г.) присутствует следующая схема событий. Крайнев, Космодемьянская и Клубков отправились поджигать деревню. У села они разошлись в разные стороны. Клубков не смог поджечь дом, так как увидел часовых и убежал в лес, где его схватили немцы. При допросе он рассказал, что с ним шли еще двое, и объяснил, где их искать. Немцы отправились на поиски и вскоре привели Зою, которую он. Клубков, опознал и при пытках которой присутствовал. Находясь в плену. Клубков прошел обучение во вражеской разведшколе, после чего возвратился в свою часть с целью работать на немцев. Таким образом, согласно данной версии, Космодемьянскую поймали из-за предательства Клубкова вскоре после поджога ею домов — в ту же ночь.

Однако все местные жители однозначно утверждают, что Зоя ходила в деревню Петрищево дважды и была схвачена немцами через день или два дня после первого похода, при повторной попытке поджога. Причем жители деревни — В.Н. Седова, М.И. Седова, А.П. Воронина, П.Я. Кулик (Петрушина), В.А. Кулик, в домах которых партизанка провела все время с момента поимки до казни, — ни разу не упоминают о

Клубкове, на глазах которого якобы пытали Зою. Правда, П.Я. Кулик не рассказала тогда комиссии и о происшедшем у нее на глазах избиении и оскорблении партизанки Солиной и Смирновой. Но в данном случае перед нами несколько иная ситуация. Солина и Смирнова были односельчанками Петрушиной-Кулик, а «выдавать своих» в общинной русской деревне было не принято. Клубков же был чужаком, к тому же давно сгинувшим, и жители деревни вряд ли бы стали замалчивать его участие в поимке и допросе Зои.

Думается, объявлять Клубкова человеком, предавшим Зою, ошибочно. Но тогда, вероятно, мы должны будем признать наиболее достоверными самые первые его показания, данные в объяснительной записке от 21 февраля 1942 г, сразу же по возвращении из плена в часть, т.е. еще до того, как с ним поработали — и, видимо, «с пристрастием» — следователи военного трибунала Западного фронта. В этих показаниях мы найдем, в частности, и возможное объяснение тому, почему Зоя Космодемьянская после похода в Петрищево не пришла на условленное место.

«В конце ноября, 26-27, — пишет Клубков, — по приказанию Крайнова, я, Космодемьянская Зоя и он, Крайнов, ночью подожгли деревню. Я поджег один дом, где ночевали немцы. На других участках я увидел 2 зарева. После того, как я поджег дом, я побежал на сборный пункт в лес. В лесу были немцы, которые набросились на меня и взяли в плен». Слова Клубкова можно понять таким образом, что в лесу, в районе сборного пункта диверсантов находились немцы. Возможно, именно поэтому туда и не явилась Зоя? Заметив врагов, она вынуждена была спрятаться в другом месте. Крайнев же мог прийти на сборный пункт уже после того, как немцы, схватив Клубкова, удалились. И они вполне могли разминуться с Зоей. Командир впоследствии рассказывал, что ждал товарищей на условленном месте «часов десять». Но Зоя, чуть не натолкнувшись накануне на месте сборного пункта на немцев, могла за это время и не решиться опять там появиться. Возможно, она и пришла, но позже, когда Крайнов, никого не дождавшись, уже ушел. Так что партизанка, оставшись одна, вполне вправе была действовать на свой страх и риск. И Зоя решила опять идти в Петрищево.

Но вернемся к Клубкову. Подробно поведав о своих мытарствах: допросе, плене, бегстве, опять плене и опять бегстве, он закончил объяснительную записку следующим образом: «О Зое Космодемьянской я ничего не знаю с тех пор, как разошлись для поджога деревни, занятой немцами» [33]. Представляется, что последующие показания Клубкова сфабрикованы в ходе следствия. Если его объяснительная составлена толково и логично, то показания на редкость путаны и противоречивы: то он говорит, что Зоя при допросе у немцев назвала его имя, то, что нет; то заявляет, что он назвал Зою только по имени, так как фамилии ее не знал, то утверждает, что назвал

ее по имени и фамилии, и т.д. Даже деревню, где произошли описанные выше события, он называет «Пепелище», а не Петрищево [34].

Но с какой целью В.А. Клубкову «шили дело»? Вероятно, для того, чтобы обелить Зою. Ведь по суровым законам военного времени сдача в плен была запрещена и приравнивалась к предательству. «Последнюю пулю — себе» — таким было требование командования. Зоя же оказалась в плену, что накладывало пятно на ее репутацию героини советского народа. Но если диверсантку выдал предатель, указавший немцам, где ее искать, если в результате этой «наводки» Зою застали врасплох, то ее пленение становилось вполне объяснимым и «морально оправданным». А может быть, все объяснялось еще проще: кто-то из спецслужб решил воспользоваться удобным случаем -возвращением из плена Клубкова и, сфабриковав дело о «предательстве» героини, «примазаться» к прозвучавшему на всю страну подвигу Зои Космодемьянской? Судьба самого Клубкова сложилась трагически: добившись необходимых показаний, 16 апреля 1942 г. его расстреляли [35].

Роль Клубкова в этой запутанной истории пытался разгадать еще журналист Петр Лидов. В его очерке 1942 г. «Вокруг Тани» говорится:

«…Жители деревни Петрищево единодушно утверждают, что Зоя была поймана через сутки после первой диверсии. Отнюдь не состоявший с ними в сговоре военнопленный Карл Бейерлейн (унтер-офицер 10-й роты 332-го полка 197-й дивизии, стоявший на постое в Петрищеве и впоследствии попавший в плен) показывает в точности то же самое. Клубков же заявляет, что Зоя была обыскана и арестована немцами с его помощью в ту же ночь, через несколько часов после поджога. Жители Петрищева, командир Таниного отряда Борис Крайнов и тот же Бейерлейн утверждают, что Зоя была поймана вскоре после того, как стемнело, то есть в 7-8 часов вечера. В 10-11 часов она после допроса была приведена в избу Василия Кулика и провела там свою последнюю ночь перед казнью. Клубков же на предварительном следствии и судебном заседании показал, что поджог совершен в 2-3 часа ночи, а Зою поймали и привели на допрос, когда уже рассвело… Клубкова не удастся снова допросить: он расстрелян» [36].

После же знакомства с материалами уголовного дела С.А. Свиридова Лидов пришел к однозначному выводу: Клубков Зою не выдавал. Процитируем записную книжку журналиста:
«9 июля 1942 г. Сегодня в трибунале войск НКВД Московского округа читал дело Свиридова, предавшего Таню и приговоренного 4 июля к расстрелу. О том, что он участвовал в поимке Зои и первым заметил ее, мне говорили в Петрищеве еще 26

января. Я был у него, и он вел себя весьма подозрительно. Меня ничуть не удивило, что мои подозрения оправдались. Дело Свиридова полностью опровергает версию, будто Зою выдал ее товарищ по отряду Клубков. Клубков — изменник (Лидов, очевидно, считал, что в плену Клубков действительно согласился работать на немцев, как тот рассказал в ходе следствия. — М.Г.), но Зою выдал не он» [37].

С этим выводом Лидова можно согласиться. Но с одним уточнением: возможно, Василий Клубков не был и изменником. Уж больно простодушно для немецкого агента он себя вел. Бежав из плена. Клубков возвращается к прежнему месту службы в сверхсекретную часть № 9903 якобы с целью работать на немцев. На что он рассчитывал? Ведь плен приравнивался к предательству, и Клубков не мог этого не знать. Бывших в плену длительное время проверяли. И даже после завершения проверки они находились под подозрением. Как в этих условиях Клубков смог бы работать на вражескую разведку? Его бы тут же разоблачили. По рассказам старых чекистов, во время войны наши военнопленные, желая вырваться из концлагеря, очень часто на словах соглашались сотрудничать с немецкими спецслужбами, а затем, перейдя линию фронта, или шли с повинной, предлагая кровью искупить свою вину, или старались затеряться на фронтах [38]. Не имеем ли мы и здесь дело с аналогичным случаем? Или все обстояло еще проще — так, как Клубков написал в объяснительной записке: он бежал из плена и вернулся в свою часть?

Рассмотрим теперь версию о том, что в Петрищеве погибла не Зоя Космодемьянская, а кто-то другой. В ее основе лежит тот факт, что первоначально героиня стала известна народу под вымышленным именем. Псевдоним ведь можно раскрыть и по-другому. Отсюда — почва для различных спекуляций. Откуда же взялась «Таня»?

Январской ночью 1942 г, во время боев за Можайск, несколько журналистов оказались в уцелевшей от пожара избе деревни Пушкино. Корреспондент «Правды» Петр Лидов разговорился с пожилым крестьянином, возвращавшимся в родные места, в район Вереи. Старик рассказал, что оккупация настигла его в Петрищеве, где он видел казнь какой-то девушки-москвички: «Ее вешали, а она речь говорила. Ее вешали, а она все грозила им…» Рассказ старика потряс Лидова. И той же ночью он ушел в Петрищево. Шесть раз выезжал туда корреспондент. И не успокоился до тех пор, пока не переговорил со всеми жителями села, не разузнал все подробности гибели нашей русской Жанны д’Арк — так называл он «Зою». «Нужна фотография. Это поможет узнать, кто она такая», — решает Лидов. И вновь едет в Петрищево, теперь уже вместе с фотокорреспондентом «Правды» Сергеем Струнниковым. Вскрывают могилу, фотографируют [39].

В те дни Лидов познакомился с партизаном из местного верейского отряда. Посмотрев на фотографию казненной, боец узнал в ней девушку-диверсантку, встреченную им в лесу накануне разыгравшейся в Петрищеве трагедии. Та называла себя Таней [40]. Под этим именем и вошла героиня в знаменитую статью Лидова. И лишь потом открылось, что это псевдоним, которым партизанка воспользовалась в целях конспирации. Но почему именно «Таня»? По словам матери Зои, так звали ее любимую героиню Гражданской войны — Татьяну Соломаху, сельскую учительницу, большевичку, попавшую в плен к белым и героически погибшую после жестоких истязаний [41].

Настоящее же имя девушки-партизанки из Петрищева в начале февраля 1942 г. установила комиссия МГК ВЛКСМ. В опознании участвовали местные жители, школьная учительница Зои Космодемьянской В.С. Новоселова и ее одноклассник В.И. Белокунь. В акте комиссии от 4 февраля констатировалось:

«1. …Граждане с. Петрищево — Седова В.Н, Седова М.И., Воронина А.П, Кулик П.Я., Кулик В.А, а также преподаватель языка и литературы т. Новоселова и ученик Белокунь В.И. по предъявленным Разведотделом штаба Западного фронта фотографиям опознали, что повешенной была комсомолка Космодемьянская З.А.
2. Комиссия произвела раскопку могилы, где похоронена Космодемьянская Зоя Анатольевна. Осмотр трупа… еще раз подтвердил, что повешенной является т. Космодемьянская З.А.» [42].

5 февраля комиссия МГК ВЛКСМ подготовила записку в МК и МГК ВКП(б) с предложением представить Зою Космодемьянскую к званию Героя Советского Союза [43]. Там с этим, очевидно, согласились, но для верности решили еще раз перепроверить имя героини. Дело в том, что после публикации статьи П. Лидова и фотографии «Тани» в погибшей девушке узнали свою дочь несколько женщин [44].
10 февраля в Тимирязевском райкоме комсомола была проведена беседа с матерью Зои Любовью Тимофеевной Космодемьянской, ее братом Шурой и школьными друзьями. Любовь Тимофеевна подробно рассказала о жизни дочери, описала, в какой одежде и обуви та уходила на фронт. Вместе с сыном внимательно рассмотрела оригинал фотографии: «Да, это Зоя, она похожа, волосы, нос и губы ее. Сын: Все очень похоже, волосы очень похожи. Мать: Да, это Зоя… » [45].

Чтобы расставить все точки над «i», мать, брата Зои, ее ближайшую подругу по отряду Клаву Милорадову попросили приехать в Петрищево. Там комиссия в составе Зоиного командира полковника А.К. Спрогиса, секретаря МГК ВЛКСМ А.Н. Шелепина, старшего лейтенанта Клейменова, судмедэксперта Никифорова предъявила им для опознания труп замученной в деревне девушки. После чего сомнений не осталось —

это Зоя. 12 февраля 1942 г. был составлен соответствующий акт [46]. 16 февраля 1942 г. Зое Анатольевне Космодемьянской было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как уже отмечалось, в начале 1990-х гг. в печати вновь появились утверждения о том, что героиня из Петрищева — это не Зоя, а другая партизанка. Конкретно называлось имя Лили Азолиной [47]. Чтобы окончательно установить истину, 17 декабря 1991 г. по просьбе руководства Центрального архива ВЛКСМ во Всероссийском НИИ судебных экспертиз была проведена судебно-портретная экспертиза по фотографиям Зои Космодемьянской, Лили Азолиной, девушки, которую ведут на казнь в селе Петрищеве (фотографии казни нашли у пленного немца), и трупа повешенной девушки. Вывод был однозначным — «на фотоснимках трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская» [48].

Нам осталось рассмотреть последнюю из сенсационных версий — о том, что Зоя Космодемьянская была больна шизофренией. В основе версии — факт перенесенного девушкой в 1939 г. нервного заболевания, сведения о котором в советское время замалчивались, и заболевания в 1940 г. менингитом, о чем говорилось открыто. Что же на самом деле произошло в 1939 и 1940 гг. с Зоей?

Вот что рассказала 10 февраля 1942 г. Любовь Тимофеевна Космодемьянская:

«Зоя болела нервным заболеванием с 1939 г, когда переходила из 8-го в 9-й класс… У нее… было нервное заболевание по той причине, что ее ребята не понимали. Ей не нравилось непостоянство подруг: как иногда бывает, — сегодня девочка поделится своими секретами с одной подругой, завтра — с другой, эти поделятся с другими девочками и т.д. Зоя не любила этого и часто сидела одна. Но она переживала все это, говорила, что она одинокий человек, что не может подобрать себе подругу» [49].

Одиночество было следствием крайне требовательного отношения к себе и окружающим. Зоя очень много читала, в основном классическую литературу: Л. Толстого, Маяковского. Сервантеса, Горького, Чернышевского, Шекспира, Гете, Гюго, Жорж Санд, мечтала поступить в Литературный институт [50]. «Книжная» девочка, она и в жизни искала высоких человеческих чувств, благородных порывов, идеальных стремлений.

Вероятно, возвышенный строй души достался Зое в наследство по отцовской линии. Ведь Космодемьянские — старинный священнический род, многие представители которого служили в православных храмах Тамбовской губ. Дедушка девочки, священник Петр Иоаннович Космодемьянский, в августе 1918 г. принял мученическую

кончину от рук «строителей новой жизни». Однажды ночью, после того как батюшка выступил на сельском сходе в защиту церкви, его схватили и после жестоких истязаний утопили в пруду [51]. Вряд ли родители рассказывали девочке об этой ужасной трагедии. И вряд ли она понимала, чего на самом деле не хватает ее стремящейся к идеалу душе. Она искала абсолютного совершенства. Но не в добром милосердном Боге, а в подружках по классу — обыкновенных девчонках, думающих о нарядах и мальчиках. Искала чистоты и справедливости. Но не в храме, а в комсомольской организации, в которой царили все те же обычаи и нравы…

Зою буквально потрясло пожелание, полученное под новый, 1939 год от одноклассницы (девочки писали их друг другу): «Зоенька, не суди людей так строго. Не принимай все так близко к сердцу. Знай, что все почти люди эгоисты, льстецы, неискренние и полагаться на них нельзя. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания. Таково мое пожелание к Новому году».

«Если так думать о людях, то зачем жить?» — сказала Зоя, прочитав записку [52]. Но вскоре ей пришлось убедиться, что в словах одноклассницы было много правды. Осознание горькой истины, видимо, и привело к нервному срыву.

«В 6-м классе мы стали готовиться к вступлению в комсомол (это было в 1938 г.), - писал 7 февраля 1942 г. Зоин одноклассник В.И. Белокунь, — и в октябре этого же года общее собрание комсомольцев нашей школы… приняло часть ребят нашего класса в члены ВЛКСМ. Комсомольская группа вначале состояла всего из 6 человек. Групоргом был Арнольд Гриф, на 7 месяцев раньше нас вступивший в комсомол… В середине учебного года начался трудный раздел по математике и физике, и Зоя, лучше других преуспевавшая в литературе и истории, стала отставать по математике. Зоя усиленно занималась, обращалась ко мне за помощью… Нам жалко было терять в классе отличника, и мы решили, что если Зое дать ответственную работу, то она обязательно подтянется в учебе. Зою выбрали групоргом».

Но отнимавшая много времени общественная работа не помогла учебе. Она только привела к острому конфликту Зои с одноклассниками.

«…Однажды на группе ею было внесено предложение о регулярных занятиях наших комсомольцев с малограмотными и неграмотными домохозяйками. Вначале ребята согласились, но когда оказалось, что придется ходить далеко через поле, то многие стали отказываться. Зоя пристыдила их и указала на то, что они не выполняют комсомольских поручений, те стали посмеиваться над этим нововведением, и начался большой спор, а затем и ссора. Настало время перевыборов, и групоргом снова был

избран Арнольд Гриф».

«Эта история, — продолжает одноклассник, — очень нехорошо подействовала на Зою. Она стала как-то постепенно уходить в себя. Стала менее общительной, больше полюбила уединение. В 7-м классе за ней еще чаще стали замечать, как нам казалось, странности… Было заметно: что-то накипает у этой девушки. Она не находила себе места, но не с кем было поделиться, некому было открыть душу.

Из девочек близких подруг после ссоры не было, а из мальчиков оставался один брат Шурик, которого она хотя и очень любила, но задушевно поговорить боялась — мог не понять. Мы тоже не понимали эту девушку, и она не могла среди нас найти себе друга. Слишком загадочными были для нас ее молчание, всегда задумчивые глаза, а порою некоторая рассеянность. И непонятная Зоя становилась еще непонятней. В середине года мы узнали от ее брата Шуры, что Зоя больна. Это произвело сильное впечатление на ребят. Решили, что в этом виноваты мы» [53].

Едва Зоя оправилась от первой болезни, как ее настигла другая.

«…При переходе из 9-го в 10-й класс в 1940 г. Зоя болела менингитом в острой форме, — рассказывала Л.Т. Космодемьянская в феврале 1942 г. (и более подробно в опубликованных воспоминаниях). — Сначала врачи говорили, что надежды на выздоровление нет, но она попала к профессору Маргулису, который спас ее… Врачи даже удивились, когда ее выписывали из больницы. Она терпела такие болезненные уколы в спинной мозг! Зоя была в памяти и говорила, что уколы были очень болезненными. Она была выносливой и терпеливой… В санатории по нервным болезням в Сокольниках (где она приходила в себя после менингита) Зоя дружила с одной сестрой… В этом санатории был и товарищ Гайдар (детский писатель, книги которого очень любила девочка), который делал ей нравоучения, и она ему также… В санатории Зоя находилась 40 дней, и как я, бывало, ни приду к ней, то всегда их вижу вместе в парке… » [54].

В опубликованных воспоминаниях Любовь Тимофеевна рассказала подробнее об удивительной дружбе ее дочери и знаменитого детского писателя, как никто другой понявшего Зою:
«Аркадий Петрович и Зоя подружились: катались вместе на коньках, ходили на лыжах, вместе пели песни по вечерам и разговаривали о прочитанных книгах. Зоя читала ему свои любимые стихи, и он сказал мне при встрече: «Она у вас великолепно читает Гете»…
В другой раз, незадолго до отъезда из санатория, Зоя рассказала: «Знаешь, мама, я

вчера спросила: «Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?» Он задумался, а потом сказал: «Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит еще не скоро». Тогда я сказала: «Только бы наступило!» И он сказал: «Непременно!»

На прощание Гайдар подарил Зое на память свою книгу, на титульном листе которой написал хорошо ей знакомые слова из повести «Чук и Гек»: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

«Это он мне опять отвечает», — тихо сказала Зоя» [55].

Не пройдет и года, и оба они, Аркадий Гайдар и Зоя Космодемьянская, отдадут свою жизнь за «огромную счастливую землю»…

Из санатория, в котором Зоя находилась с 24 января по 4 марта 1941 г, ее выписали по следующим заключением (в архиве сохранилась медицинская справка): «По состоянию здоровья б[ольная] приступить к учебе может, но без утомления и перегрузки» [56]. До конца учебного года оставалось менее трех месяцев, но Зоя и слышать не хотела о том, чтобы остаться на второй год. Благо, одноклассники встретили ее прекрасно, старались загладить свою вину, всячески помочь. «…Меня очень хорошо встретили в школе, — рассказывала Зоя маме. — Даже как-то удивительно хорошо., как-то бережно. Как будто я после болезни стала стеклянная и вот-вот разобьюсь… Нет, правда, было очень приятно видеть, что мне рады», — добавила она после небольшого молчания» [57].

С огромным трудом, но Зое все же удалось закончить учебный год, хотя и далеко не с такими хорошими оценками, как до болезни. Сохранилась ее школьная характеристика от 14 июня 1941 г, данная классным руководителем: «Имеет посредственную успеваемость, отличную дисциплину. До болезни училась хорошо. После пропуска с трудом догнала товарищей. Нуждается в индивидуальном подходе» [58]. И только по литературе Зоя, как всегда, была на высоте. «…Как и прежде, ее сочинения по литературе отличались своеобразием написания, живостью образов. Было видно, что материал, по которому пишется сочинение, глубоко продуман и понят, и единственное, что было однообразно во всех сочинениях, — это оценка «отлично»», — вспоминал В.И. Белокунь [59].

В приведенных воспоминаниях и документах Зоя Космодемьянская предстает перед нами натурой сложной, утонченной, романтически-возвышенной, болезненно реагирующей на несовершенство мира, его несоответствие высоким идеалам. Разрыв между мечтой и действительностью переживается ею необычайно остро, приводит девочку к отчуждению от окружающих, одиночеству, нервному срыву. Через год к этому добавляется тяжелейшая болезнь. Однако Зоя находит в себе душевные и физические силы вынести мучительный курс лечения, преодолеть болезнь, догнать в учебе одноклассников.

…А всего через несколько месяцев у нее найдутся силы и для большего. Для того, чтобы вынести пытки, но не предать боевых товарищей. Для того, чтобы отдать жизнь за Родину. Для того, чтобы еще раз доказать себе и миру, что не все люди — эгоисты.

Конечно, для современных циничных борзописцев такое отношение к жизни — «шизофрения».

Им не дано понять высокого смысла евангельской заповеди: «Нет выше подвига, чем душу свою положить за други своя!»

Бог им судья.

Примечания

1. Ведущий врач Научно-методического центра детской психиатрии А. Мельникова, С. Юрьева, Н. Касмельсон в 1991 г. писали: «Перед войной в 1938-1939 гг. 14-летняя девочка по имени Зоя Космодемьянская неоднократно находилась на обследовании в Ведущем научно-методическом центре детской психиатрии и лежала в стационаре в детском отделении больницы им. Кащенко. У нее подозревали шизофрению. Сразу после войны в архив нашей больницы пришли два человека и изъяли историю болезни Космодемьянской» (Зоя Космодемьянская: Героиня или символ? // Аргументы и факты. 1991. № 43). В этой публикации сенсационная версия о психическом заболевании З.А. Космодемьянской изложена в «обтекаемой» формулировке — «подозревали шизофрению». В последующих же сообщениях СМИ слово «подозревали» исчезло.

2. Первым эту версию обнародовал писатель А. Жовтис: «Немцы заняли Петрищево во время общего наступления на Москву. Они назначили старосту и ушли. Староста поддерживал контакт с оккупационными властями, располагавшимися в другом населенном пункте… Немцев на постое здесь не было, и, следовательно, не было и никаких немецких конюшен, которые, согласно официальной версии, партизанка

якобы подожгла» (Жовтис А. Уточнения к канонической версии // Аргументы и факты. 1991. № 38).

3. Бывший работник Управления НКВД по г. Москве и Московской обл. Б.Я. Чмелев 22 марта 1994 г. рассказывал: В 1942 г. в деревне Петрищево

«арестовали некоего Свиридова, ему вменили в вину, что он предал Зою и что поэтому ее схватили и казнили. Причем все так и было — он был причастен к тому, что немцы арестовали Зою, следовательно, и к тому, что ее казнили. И газеты, и радио уже сообщили обо всем этом, и благодаря «Правде» вся страна знала о героине Зое. Но когда на месте мы стали разбираться с тем, что произошло в деревне Петрищево, оказалось, что все выглядело несколько иначе и что этот человек не был виноват в происшедшем. Во-первых, Зоя сама нарушила приказ командира партизанского отряда, запретившего какие бы то ни было самовольные акции, а она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево. Мы допросили и командира отряда, и других партизан и выяснили, что в Петрищево она пошла сама, без разрешения и начала поджигать сарай этого самого Свиридова, где не было ни немцев, ни военной техники — ничего, кроме сена… Но можете себе представить: хозяин сарая выходит из дома — а это было именно так — и видит, что кто-то поджигает его сарай! Какой должна быть его реакция?! А в это время рядом были немцы… Свиридов закричал: «Ты что там делаешь?!» Этого было достаточно, чтобы Зою схватили. Нам было понятно, что реакция Свиридова была вполне естественной, думаю, что точно такой же она была бы и у вас, и у меня: «Ты что делаешь? Почему поджигаешь мой сарай?» Конечно, на этот факт было наложено вето, и мне категорически запретили кому бы то ни было об этом говорить. Обо всем рассказал [начальнику УНКВД по Москве и Московской обл.] М.И. Журавлеву. Он долго молчал, наконец, спросил: «А что ты думаешь обо всем этом?» Я говорю, что судить Свиридова на основании только того, что он бросился защищать свое имущество, нельзя. «А, черт с ним, в конце концов, — говорит Журавлев. — Давай будем его освобождать… Пишите постановление об освобождении». Мы тут же написали соответствующую бумагу, и Свиридов неожиданно для себя, как я понимаю, оказался на свободе» (Москва прифронтовая. 1941-1942. Архивные док. и мат. М, 2001. С. 644).
В свою очередь, А. Жовтис писал:
«Однажды ночью в деревне загорелась изба, пожар уничтожил ее дотла. Люди пришли к заключению, что это был поджог, и на следующее утро выставили караульных. Через день или два поджигатель был пойман с поличным: неизвестная девушка с помощью тряпок, смоченных в керосине, пыталась поджечь другую избу. Зима была суровая, одна семья, потерявшая кров, ютилась у соседей, жители деревни были обозлены и

разъярены. Караульные зверски избили девушку, затем втащили ее в избу к Лукерье, а утром староста отправился к властям и доложил о случившемся. В тот же день девушка была повешена прибывшими в Петрищево солдатами спецслужбы» (Жовтис А. Указ. соч.).
4. Дмитриев Ю. Правда о Зое. Репортаж-исследование с опозданием на четверть века // Труд. 1991. 29 ноября; Морковчин В, Шур Э. Клубков, который назвал «Таню» Зоей // Известия. 2000. 2 февраля.
5. Впервые эту версию изложила Е. Сенявская, ныне доктор исторических наук, в 1991 г. Ее письмо в газету завершалось следующими словами: «Подтвердить или опровергнуть эту версию может только криминалистическая экспертиза, которой долго и безуспешно добиваются товарищи Лили» (Аргументы и факты. 1991. №43).

6. Эти документы опубл. в кн.: Москва прифронтовая.

7. Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М, 1995. С. 365-366.

8. См.: там же. С. 106-123, 250, 475-479 и др.; Москва прифронтовая. С. 251-292.

9. Москва прифронтовая. С. 177-178, 198-250.

10. Москва военная. С. 125; Правда. 1941. 20 октября.

11. Москва прифронтовая. С. 156.

12. Об этом рассказал писателю В. Лаврову А.К. Спрогис, командир войсковой разведывательно-диверсионной части № 9903, в которой сражалась З.А. Космодемьянская. См.: Лавров В. Зоя. Еще раз о гибели Зои Космодемьянской // Московский комсомолец. 1991. 12 декабря.

13. Там же; Москва прифронтовая. С. 156.

14. Москва прифронтовая. С. 581-583.

15. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 1: Начало. 22 июня-31 августа 1941 г. М, 2000. С. 121-123.

16. Возможно, принятие этого приказа инициировала докладная записка секретаря МГК ВЛКСМ по пропаганде Н.П. Красавченко секретарю МГК ВКП(б) Г.М. Попову от 8 ноября 1941 г. Н.П. Красавченко находился на строительстве оборонительных рубежей в районе Издешково Смоленской обл. 7 октября вместе с другими руководящими

работниками он оказался в окружении, а затем в плену. Проведя во вражеском тылу 21 день и в конце концов благополучно вернувшись к своим, он подготовил аналитическую записку о положении дел на оккупированной советской территории, в которой сделал ряд выводов. Последний, шестой пункт звучал следующим образом:

«Когда я перешел фронт и в штабе дивизии доложил, что дер. Павлове забита немцами, что артиллерийским огнем прямо по деревне можно нанести значительный ущерб врагу, мне ответили, что деревню обстреливать нельзя, так как там советские граждане. Я часто видел бомбежку советской авиации, но ни разу не видел, что наши летчики бомбят тот или иной населенный пункт, а немцы, как правило, располагаются по населенным пунктам. Мне кажется, что щадить тут нечего. Обычно население прифронтовых деревень уходит, и, уничтожая села, деревни, мы наносили бы значительные потери врагу, лишали бы немцев теплого жилья, а холода немцы боятся гораздо больше, чем черт ладана» (ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 95, л. 37. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 190).
17. Битва за столицу. Сб. док. От обороны к наступлению. Т. 1. М., 1994. С. 130.
18. См, напр.: История Тани в документах // Аргументы и факты. 1992. № 7.

19. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Док. и мат. М, 1967. С. 117-120.

20. Москва прифронтовая. С. 584, 642.

21. Там же. С. 585.

22. Там же. С. 562-563.

23. Там же. С. 587.

24. Там же. С. 644. Сведения взяты из записной книжки П. Лидова, знакомившегося с уголовным делом С.А. Свиридова и сделавшего из него выписки. Копии выписок см.: РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649.

25. Овчинникова Л. Свеча на ветру // Комсомольская правда. 1991. 29 ноября.

26. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ), ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 55 (1-22). Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 564-566.

27. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 40-40 об. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 579.

28. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 38-38 об.; Москва прифронтовая. С. 579.

29. ЦАОДМ, ф. 8682, on. 1, д. 561, л. 55 (1-22); Москва прифронтовая. С. 565-566.

30. См, напр.: Лидов П. Таня (Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская). М, 1942. С. 14-15 и др.

31. Там же. С. 15-16.

32. Известия. 2000. 2 февраля.

33. Там же. См. также материалы уголовного дела В.А. Клубкова. Коллекция Центрального архива ФСБ РФ.

34. Материалы уголовного дела В.А. Клубкова. Коллекция Центрального архива ФСБ РФ.

35. Известия. 2000. 2 февраля.

36. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 643.

37. Там же. С. 644.

38. Москва военная. С. 228-229.

39. Соломатин П. Подвиг Зои // Наука и жизнь. 1966. № 12. С. 10-11.

40. Лидов П. Таня. С. 5.

41. Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре. М, 1961. С. 97-100.

42. ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 145, л. 13-15; ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 31-33. Опубл.: Наука и жизнь. 1966. № 12; Москва прифронтовая. С. 566-567.

43. ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 145, л. 1-10. См. также: там же, л. 16-17 (краткий вариант записки), ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 13-21; РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, л. 9-17.

44. См.: Лавров В. Указ. соч.

45. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 56-63. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 572-573.

46. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 36-36 об. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 574. См. также: Кожемяко В. Трагедия Зои Космодемьянской // Правда. 1991. 29 ноября.

47. Аргументы и факты. 1991. № 43.

48. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. См. также: Жизнь. 1992. № 3; Советская Россия. 1992.29 января.

49. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 56-63. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 573-574.

50. Там же. С. 572,574. См. также сохранившуюся записную книжку Зои, где она делала выписки из прочитанных книг. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. 7-М, оп. 2, д. 649, россыпь.

51. Кученкова В. Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского (1872-1918) // Мир Божий. 2001. № 1.

52. Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 122.

53. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 70-76. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 570.

54. Москва прифронтовая. С. 573.

55. Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 130-131.

56. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 642.

57. Космодемьянская Л.Т. Указ. соч. С. 131.

58. РГАСПИ, коллекция ЦА ВЛКСМ, ф. М-7, оп. 2, д. 649, россыпь. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 643.

59. ЦАОДМ, ф. 8682, оп. 1, д. 561, л. 70-76. Опубл. в кн.: Москва прифронтовая. С. 570-571.